

Джей Парини

ПУТЬ
БЕНЬЯМИНА

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
П 18

Jay Parini
BENJAMIN'S CROSSING
Copyright © 1996 by Jay Parini
This edition published by arrangement with
Canongate Books Ltd, 14 High Street, Edinburgh EH1 1TE,
United Kingdom and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского Александра Александрова

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

ISBN 978-5-389-15873-3

© А. П. Александров, перевод, 2020
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2020
Издательство ИНОСТРАНКА®

Гершом Шолем

Портбоу (Испания): 1950 год. Я, не плакавший, даже когда умерли мои родители, стою здесь и плачу по Вальтеру Бенъямину, моему дорогому другу, которого я потерял. Кладбище, расположенное на крутом склоне, нависает над зелено-золотым морем в тени Пиренейских гор.

Прошло десять лет или даже больше, но я по-прежнему слышу его голос, он шелестит сухой травой, вихрится с ветром, прячется в рокоте и шуме прибоя. «Если бы я уехал к тебе в Палестину, — говорил он, — вполне возможно, что у меня все сложилось бы лучше. Впрочем, кто знает? Я, как видишь, вечно медлю на каждой развилке, переминаюсь с ноги на ногу». Так он писал в 1931 году, когда еще мог уехать. Да, он мог бы приехать в Иерусалим, жил бы в кругу единомышленников. Зачем было уничтожить себя? Со временем я помог бы ему устроиться в университет — или, может быть, в школу. Преподаватели нужны всегда. Или в библиотеку. Из него получился бы превосходный хранитель рукописей или произведений искусства. Кто знал больше, чем Вальтер Бенъямин?

Он и предположить не мог, чем все в конце концов обернется в Европе: Бенъямин был не из тех, кто спосо-

бен предвидеть такое. Будет справедливым сказать, что он мало что смыслил в реальной жизни. В том, что касалось политики, он был — осмелюсь ли употребить это слово? — невеждой. Зато о литературе он знал все! Он, подобно Тезею, входил в лабиринт текста и разматывал нить из своего сердца, чтобы, зайдя в самую глубь, встретившись лицом к лицу с Минотавром и убив его, вернуться по ней обратно к свету.

Разум Европы потерял своего защитника, престолонаследника, сладчайшего принца. Правда, об этом почти никто не знает. А если б и знали, было бы кому-то до этого дело? Вряд ли в мире может родиться другой такой, как Беньямин. Но даже если и мог бы, почва на этом континенте больше не годится для такого ума. Ему не расцвести в этом изгаженном климате себялюбия и бездушия. Мне следовало бы облечься во вретисце, удалиться в пустыню, скорбеть. Мне следовало бы воскликнуть словами из Книги пророка Иеремии: «И Я ввел вас в землю плодоносную, чтобы вы питались плодами ее и добром ее; а вы вошли и осквернили землю Мою, и достояние Мое сделали мерзостью»¹.

Но вот я стою здесь, на испанской границе, где десять лет назад Беньямина не стало. Он был моим другом, и я должен увидеть его могилу своими глазами. Чтобы убедиться, чтоб не оставалось сомнений. И чтобы понять, что же именно здесь произошло и где разыгралась эта трагедия, от которой до сих пор просыпаешься среди ночи в холодном поту.

Подо мной разбиваются о скальную гальку волны прибоя, среди коряг и валунов валяются похожие на кишки бурые водоросли-фукус, в приливных озерах пульсируют морские анемоны, словно желтые сердца,

---

¹ Иер. 2: 7. — *Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*

поддерживающие жизнь моря, этого великого зверя. Всюду жестокая борьба за существование. Но Вселенная подчиняется закону энтропии. Распад неминуем, с этим ничего не поделаешь.

По словам Евы Руис, урожденной француженки, владеющей единственной в деревне гостиницей, он похоронен здесь, но я не знаю, в какой точно могиле.

— Ваш друг был воспитанный человек, — сказала она сегодня утром, подавая мне кофе в террасном саду, расположенном за ее розоволицей гостиницей, угнездившейся на скале с видом на море. — Он очень мне понравился.

— Это было так давно. У вас, должно быть, с тех пор перебывала уйма гостей, — ответил я.

Руки подрагивали у нее на коленях, как пара белых бабочек.

— Ну нет, — возразила она, — я хорошо запомнила вашего доктора Бенямина. Невысокий и, видно, очень чувствительный, если не ошибаюсь — еврей. С густыми усами, в толстых очках. Знаете, он был добр к моей дочери. Матери такое не забывают. Сюзанна и сейчас вспоминает его.

— Можно мне поговорить с вашей дочерью?

— К сожалению, не выйдет. Она сейчас учится в Ницце.

Ее лицо посуровело, руки-бабочки взлетели к шее, как будто она собиралась задушить себя прямо у меня на глазах.

— Печально, что он так умер, — сказала она. — Это он сгоряча.

— Простите?

— Ну, мне так кажется. В моих обстоятельствах, понимаете. Я вдова. О многом приходится думать.

— Боюсь, мадам, я вас не совсем понимаю, — сказал я.

— Да? — Она вскочила на ноги и выглянула в окно. — К моему стыду, я не умею излагать свои мысли. Вечно ляпну что-нибудь не то. Моего мужа это бесило, он был офицером — при генерале Франко. Раза два или три даже встречался с ним.

Я понял, что продолжать расспросы бесполезно, но мне стало интересно, чем Бенямин так впечатлил ее. Хорошо узнать его она не могла. Если мои подсчеты верны, он провел здесь, в Портбоу, меньше одного дня в начале октября¹ 1940 года — это был последний день его жизни. Тем не менее мадам Руис расчувствовалась и прослезилась, когда я сказал, что он был моим другом. По ее напудренным щекам потекла тушь, оставляя в грубых складках кожи черные линии и углубляя морщины. На постаменте ее широкого лба высилась черная статуя прически. Наверное, в молодости она обладала неотразимой красотой, но сейчас выглядела отталкивающе.

— Помню, он тут был не один. Все очень приятные люди. Женщина была, средних лет, с сыном. И кажется, еще один мужчина. Из Бельгии — не то учитель, не то бухгалтер, не припомню. Большой путь проделали пешком, по горам! Совсем из сил выбились, бедные.

— Многие евреи этой дорогой шли?

— О да. И не только евреи. Я старалась помогать им, но это всегда было непросто. Мимо пограничников не пройдешь, а полиция местная — ей верить нельзя было.

Она едва слышно прошептала, что генерал Франко к евреям особой симпатии не испытывал. Нашла, чем меня удивить. История евреев в Испании — это история мученичества. Она уходит во времена Изабеллы

---

¹ Дата смерти Вальтера Бенямина — 27 сентября 1940 г.

и Фердинанда¹, постаравшихся рассеять нас по миру. Во время погромов по ночам небо лизали языки пламени, и корабли, набитые евреями, отплывали в Африку и на Ближний Восток.

— Вы ведь тоже еврей? — спросила она.

— Да.

— У вас в паспорте написано, что вы живете в Иерусалиме.

— Так и есть.

— Красивый, наверное, город, — сказала она. — У меня одна из сестер вышла замуж за еврея. Рослый такой, а на лбу фиолетовое родимое пятно. Мехаами торгует. Бернард Коэн его зовут.

Ее взгляд говорил мне, что я наверняка с ним знаком. Я не стал ей отвечать: пусть это остается частью ее личной истории. Одобряет эта мадам Руис замужество своей сестры или нет — не мое дело. Скорее всего, она антисемитка.

Она познакомила меня с низеньким морщинистым человечком по имени Пабло. Быстро заговорив по-каталански, она объяснила ему, что мне нужно, и он, кажется, понял. Он привел меня к безымянной могиле в конце кедровой аллеи — там было около десятка таких захоронений. Морской бриз покачивал свисавшую с каменной стены сочную пурпурную глицинию. Мне сразу подумалось, что именно в таком месте — маленьком подобии неба на земле — и положено костям смешиваться с землей.

От Пабло несло вином, и он не внушал мне доверия. Как и мадам Руис, разговаривая, он смотрел в сторону.

---

¹ Имеются в виду королева Изабелла I Кастильская (1451–1504) и король Фердинанд II Арагонский (1452–1516), которые в 1469 г. поженились и тем самым заложили основу для объединения Испании.

— Вы уверены, что это его могила? — спросил я, пробуя свой испанский.

На выщербленной, покрытой пятнами каменной плите не было ни букв, ни даты, вообще ничего. Похоже, ей было куда больше десяти лет.

Пабло пожал плечами.

— Я сам его хоронил, — сказал он.

По крайней мере, так я понял его каталанский. Хотя я и лингвист по образованию, этот язык выше моего разумения.

Я не поверил ему, но не оставил его без чаевых и дал понять, что хочу побыть один у могилы друга — реальной или предполагаемой, под суровым синим испанским небом, раскачиваясь взад-вперед в молитве, как это мог бы делать раввин, окажись таковой здесь в тот страшный день 1940 года. Мне нужно было как-то завершить круг, который я начал вычерчивать так много лет назад, и постараться загладить вину за то, что никогда уже не исправить.

Наша переписка, длившаяся три десятилетия, резко оборвалась в конце весны 1940 года, и прошло какое-то время, прежде чем я узнал о его смерти — очевидно, это было самоубийство. По многим причинам это известие меня не удивило. Я скорее удивился бы, если б ему удалось добраться до Нью-Йорка, Кубы или Касабланки: для этого нужны были силы, которыми он явно не обладал.

Впервые я увидел Бенямина в 1913 году в берлинском кафе «Тиргартен». Давно уже исчезли эти прокуренные заведения на Курфюрстендамм с их прохладными мраморными полами, высокими потолками и комнатными растениями, нависавшими и склонявшимися

над посетителями, словно существа из иного мира, но в те дни ничто не могло сравниться с ними. Там, заказав лишь чашку густого турецкого кофе, можно было часами сидеть и болтать о политике, философии, литературе, пока над Берлином не взойдет утренняя звезда. Со всего города сюда стекались молодые берлинцы, надеявшиеся выковать из себя интеллектуалов или художников, и испытывали свои умы и сердца друг перед другом.

В те невинные годы перед Первой мировой войной в Беньямине еще не пробудилось чувство собственного еврейства. Он был приверженцем Густава Винекена¹, этого Крысолова мятежных сыновей высшей буржуазии, бывшего его учителем в Хаубинде, в изысканной загородной школе-интернате в Тюрингии, где примерно в то же время учились два моих родственника. Об узах, связывавших Беньямина и его наставника, было широко известно в определенных кругах.

Что скрывать: и Беньямин, и я родились в состоятельных семьях и, наверное, были немного испорчены обстоятельствами, в которых росли, — привычкой к роскоши, доходящей до абсурда, к беззаботной жизни, обеспечиваемой трудом бесчисленных слуг, к благоустроенным домам и квартирам, заставленным красивой (пусть несколько громоздкой и чересчур орнаментированной) мебелью. Стены у нас были завешаны унылыми пейзажами второстепенных баварских художников

---

¹ *Густав Винекен* (1875–1964) — немецкий педагог, доктор философии. В 1900–1906 гг. работал в Хаубинде в сельском воспитательном доме Г. Литца. В дальнейшем в пос. Виккерсдорф (Тюрингия) основал «свободную школьную общину», где обучение было совместным, преподавание имело светский характер, а также проводились творческие занятия, учащиеся трудились в саду, мастерских и т. п. Винекен рассматривал процесс воспитания и образования как формирование особой «молодежной культуры».

середины девятнадцатого века, полы покрыты персидскими коврами. Правда, нам обоим не нравилась роскошь, в которой мы жили, она даже вызывала в нас негодование; полное отсутствие духовных, или (как сказал бы он) «диалектических», интересов у наших родителей и их друзей приводило нас в ужас. «Их жизнь так пуста, — говорил Бенямин. — Мне жаль их, жалко их души».

В тот вечер в «Тиргартене» ожидалось широко разрекламированное выступление Бенямина, поэтому я туда и пришел. Один знакомый как-то сказал мне: «Вальтер Бенямин — это новый Кант», что привело меня в ярость. Я не понимал, как вообще можно произнести такие слова. Все же во мне зыграло любопытство, и я решил воочию увидеть этого «нового Канта».

В то время в Берлине спорили друг с другом два студенческих объединения: группа Винекена, влиятельная часть «Молодежного движения», выдвигавшая довольно псевдопатриотические доводы в пользу защиты и пропаганды германской культуры, и кружок сионистов «Младоиудея», к которому принадлежал я. В нашей группе прекрасно понимали, что в Германии нет места для евреев, как бы припеваючи они ни жили сейчас в Берлине. Юные друзья Винекена в большинстве своем были евреи, но, я думаю, они даже не осознавали этого. А если и осознавали, то это ничего для них не значило. На прямой вопрос: «Вы еврей?» — они ответили бы: «Я немец. Моя семья по традиции считается еврейской, но я не придерживаюсь никакого вероисповедания».

Всем было известно, что Бенямин блестящ и бескомпромиссен, поэтому именно ему Винекен решил доверить в тот вечер говорить от имени «Молодежного

движения». В большом зале над кафе нас собралось человек восемьдесят — в основном молодые люди и несколько женщин. Все курили, пили кофе, в помещении стояла легкая дымка. До сих пор слышу этот звон чашек, смех, жаркие споры, постоянно разгоравшиеся на тех собраниях.

Встал Винекен, и, разумеется, все затихли. Он представил Бенямина, назвав его «юным философом, поэтом и литературоведом, уже известным многим из вас». Странно было слышать, как молодому человеку, еще не успевшему ничего опубликовать, дают столь восторженную характеристику. Я начинал понимать то, что ни для кого не было секретом: Густав Винекен был льстецом.

Бенямин и сам, кажется, был смущен эпитетами, которыми его наградил учитель. Он смял сигарету в пепельнице и медленно поднялся из-за столика. Начал он с цитаты из Гегеля, явно призванной отпугнуть случайную публику. К моему немалому удивлению, я увидел, что Бенямин не из тех, кто заигрывает с аудиторией. Он даже не потрудился упомянуть, какую из работ Гегеля цитирует, предполагая, что слушатели должны знать это сами. А если не знают — что ж, тем хуже для них. Не читал Гегеля — нечего тебе тут делать.

Выступление оказалось витиеватым, но — я должен был признать это — блистательным. Голос Бенямина отличался какой-то удивительной мелодикой, аурой едва уловимых изменений интонации, вроде бы знакомых и в то же время не похожих ни на чьи другие. Позже мне пришло на ум сравнение с мастерски изготовленным альтом, который, впрочем, мог изредка взвизгнуть, как дешевая скрипка. Настоящая мелодия звучала в самой его аргументации. Она звучала бы убедительно даже сквозь толстую стену, когда слов не разобрать, а слышен лишь тон.

Он заявил, что у сионизма есть свои достоинства, но сегодня нет ничего насущнее для немецко-еврейской молодежи, чем реформа образования. Эти слова вывели меня из себя, я выпрямился, у меня быстрее забилося сердце, я забарабанил пальцами по коленям. Голос Бенямина то возвышался, то падал, отчего слушатели чуть подавались вперед (особенно когда он совсем переходил на шепот). Говоря, он не сводил глаз с дальнего левого угла потолка, словно тщился что-то там рассмотреть. Только один раз, кажется, на минуту потеряв нить рассуждений, он перевел взгляд и прямо посмотрел на людей — и смутился, как будто только сейчас понял, что в зале есть кто-то еще! Но вот, снова устремив взор в полюбившийся ему угол потолка, он пришел в себя. Выглядело это крайне эксцентрично.

Закончив говорить и даже не кивнув своей аудитории (которая вежливо зааплодировала, а кое-кто хлопал с настоящим воодушевлением), он — неслыханное дело! — просто взял и ушел. Я-то предполагал, что будут вопросы, но он прошел прямо по центральному проходу, уставившись в пол перед собой сквозь толстые стекла очков в золотой оправе. Было ясно, что этого человека нисколько не заботит впечатление, произведенное его выступлением, и меня, против моей воли, это восхитило. Зачем отвечать всем этим болванам? Более того, в его поглощенности собой было что-то возвышенное, даже отрешенное. Можно было легко представить себе, как он, уже старик, дремлет над Талмудом в какой-нибудь отдаленной иешиве.

Мимоходом я заметил, что его черные туфли начищены до блеска, — может быть, так он пытался соответствовать общепринятым нормам, но воск запачкал белые носки, и выглядело это смешно; галстук был заляпан

какой-то едой, а рубашку неплохо было бы погладить. Он был невысокого роста, худощав, очень смугл, с черной жесткой шевелюрой, больше похожей на меховую шапку. Шел он пошаркивая, вперевалку, как ходят близорукие, почти ничего не замечая вокруг. Пройдут годы, и, видя, как он идет мне навстречу издалека, я часто буду вспоминать Чарли Чаплина, а пару раз в лицо назову его герром Чаплином, но он эту шутку пропустит мимо ушей.

Я познакомился с Беньямином лично два года спустя, когда ему было двадцать три, а мне семнадцать. Это произошло в тысяча девятьсот пятнадцатом, уже год шла Первая мировая война, в Берлине воцарилось непривычно жаркое и мрачное лето. На улицах было полно воодушевленных молодых солдат, которые пока не вполне представляли себе, какие беды ждут их впереди; правда, под покровом безудержного веселья ощущалось, что многие чувствуют приближение смерти, запах которой, казалось, уже подступал к их ноздрям. По мостовым ехали армейские автомобили, они грохотали по широким бульварам, мимо парков, и на некоторых уже были видны следы огня и отметины, оставленные боями. С портретов в витринах на всех взирало лицо кайзера. На балконах города, множась, развевались флаги. Как-то раз я видел проезжавших по улицам величественным строем конных воинов — нелепое зрелище в век пулеметов и газовых атак, но это было символично для германской сентиментальности. Понадобятся десятилетия, чтобы пошатнулся миф о тевтонской непобедимости.

Я, насколько мог, старался не замечать войны. У меня вошло в привычку время от времени ходить на лекции, и однажды вечером я попал на доклад популярно-

го (а ныне заслуженно забытого) деятеля по имени Курт Хиллер¹, только что опубликовавшего книгу о мудрости скуки². Его выступление имело успех у публики, единственным исключением был я. Насколько помню, он пытался доказать, что история — это полная чушь, что наша жизнь ограничена одним поколением, это будто бы и есть наша реальность. Все, что происходило до нас, необходимо стереть, забыть. Поскольку история не поддается исследованию и описанию, нет смысла волноваться по ее поводу. И так далее. Это было просто возмутительно.

В какой-то момент я грубо перебил его, возразив против одного особенно слабого звена в аргументации и, боюсь, впав в напыщенный тон. Несмотря на свою юность, я был уверен в силе своего интеллекта и не «терпел охотно неразумных»³. Беньямин, сидевший в ряду передо мной, обернулся и, встретившись со мной взглядом, улыбнулся. Кажется, я невольно подмигнул ему — это вышло неожиданно, и я потом пожалел об этом. Что он обо мне подумает?

Согласно традициям группы, обсуждение лекции Хиллера состоялось на следующей неделе в студенческом общежитии в Шарлоттенбурге, и Беньямин, оправ-

---

¹ *Курт Хиллер* (1885–1972) — немецкий писатель и публицист, автор книги «О мудрости скуки» (1913). По своим убеждениям — пацифист, социалист; активно выступал в защиту прав сексуальных меньшинств. Но Шодем не прав относительно того, что он «заслуженно забыт». В 1998 г. в Гамбурге было основано «Общество Курта Хиллера» для изучения его наследия и издания его трудов. Также в честь Курта Хиллера назван один из парков Берлина в районе Шёнеберг.

² *Die Weisheit der Langenweile. Eine Zeit- und Streitschrift. 2 Bände Kurt Wolff, Leipzig.* — Reprint: Kraus, Nendeln, 1973.

³ 2 Кор. 11: 19–20: «Ибо вы, люди разумные, охотно терпите неразумных: вы терпите, когда кто вас поработает, когда кто объедает, когда кто обирает, когда кто превозносится, когда кто бьет вас в лице».

дав мои робкие ожидания, тоже пришел туда. На нем был мешковатый костюм с жилетом, золотая цепочка часов полукругом свисала на легкой выпуклости его живота — предвестнице полноты среднего возраста, еще только вызревавшего в саду его юности. Место рядом с ним было свободно, но я некоторое время топтался у задних рядов, не осмеливаясь сесть подле него. Вошли несколько человек, и мое сердце глухо заколотилось: мне хотелось, чтобы кто-нибудь успел занять это место прежде меня. Но никто туда не садился. Я собрался с духом и решительно сел рядом с Беньямином, вежливо кивнув, когда он поднял глаза, чтобы посмотреть, кто это.

За те десять минут, что оставались до начала обсуждения, я несколько раз пытался набраться храбрости и заговорить с ним. Мой брат Вернер нагнал на меня страху, рассказывая о Беньямине, и мне не хотелось ударить лицом в грязь. Но как только собрание началось, у меня вдруг развязался язык, и я принялся оспаривать почти каждого, кто высказывался по сколько-нибудь важному вопросу. Беньямин же говорил мало — он сидел рядом со мной, как сфинкс, уставившись в пространство. Когда он изредка включался в дискуссию, его доводы шли вразрез с моими, хоть и не впрямую. Сейчас, оглядываясь назад, я вижу в том, что было им сказано в тот вечер, зачатки его спорного подхода к истории, правда этот подход еще только формировался, и вряд ли можно было толком зацепиться за что-то в его аргументации.

На одно из его высказываний я резко возразил, а уходя, почувствовал себя слабым и глупым, ведь, как я думал, мне больше никогда не придется увидеть его. К тому времени я уже потерял двух друзей, моих одноклассников, — они погибли на войне, и иногда мне казалось, что всех, кого я знал, в конце концов втянет в себя этот

бурный водоворот, целиком поглотит та История, над которой с такой легкостью насмехается Курт Хиллер и ему подобные.

Жить становилось все труднее — даже людям из круга моих родителей. Таинственным образом исчезала прислуга, менее обильной становилась еда, с полок магазинов пропадали некоторые виды продуктов. Мясо, например, так подорожало, что мало кто мог позволить себе купить его, фруктов стало совсем немного. Куда-то испарилась телятина, до войны составлявшая главный продукт нашего питания.

— Хорошо кормят в армии, — с легким оттенком иронии говорил мой отец.

Как-то, недели через две после дискуссии в Шарлоттенбурге, я сидел в каталожном зале университетской библиотеки, за длинным столом с лакированным верхом, как вдруг вошел Бенямин. Пиджак его был усыпан перхотью, будто припорошен снегом. Он резко наклонился в сторону, как будто зал был кораблем и палубу сильно качнуло. Косолапя и покачивая головой, он подошел почти вплотную ко мне, остановившись сантиметрах в тридцати. Не говоря ни слова, он оглядел меня с ног до самой макушки. Внешне сохраняя невозмутимость, но с колотящимся сердцем, я сделал усилие, чтобы встретить его взгляд. Затем он повернулся и бросился вон из зала. Но не прошло и минуты, как он вернулся. На этот раз он, как будто отчего-то осмелев, подошел ко мне широким шагом.

— Полагаю, вы и есть тот господин, что на днях так пространно рассуждал об истории? — вымолвил он.

Понять, что означает его тон, было невозможно. Не обвиняет ли он меня в чем-то? (Спустя некоторое вре-

мя я пойму его особую манеру говорить — как-то уклончиво, будто с самим собой, будто мир слишком трудно поддается непосредственному истолкованию.)

Я признался, что я не кто иной, как тот самый господин.

— В таком случае, — сказал он, — дайте мне свой адрес и телефон. Нам нужно поговорить.

Я нацарапал телефон и адрес на клочке бумаги, и он сунул его в карман пиджака. Я представил себе, как этот листок теснится среди квитанций из прачечной, табачных крошек и беспорядочных заметок по философии Шопенгауэра. Вот человек, который не раскладывает все по полочкам, как все мы, грешные, и не идет на компромиссы с повседневностью. Разум его пылает идеями, а их конкретные воплощения в жизнь, похоже, лишь ставят его в тупик, нарушают чистый покой ума. Когда я узнал его ближе, то понял, что мелочи быта, по-видимому, и в самом деле причиняли ему страдание. Ему не хотелось сталкиваться ни с какими помехами, без которых невозможна человеческая жизнь, он едва выносил их.

Прежде чем уйти, он с подчеркнутой учтивостью поклонился.

— Премного вас благодарю, сударь, — сказал он.

Не прошло и трех дней, как мне домой принесли записку: «Милостивый государь, приглашаю Вас посетить меня в этот четверг около половины шестого».

Но едва я успел вскрыть письмо, как зазвонил телефон. Это был Беньямин.

— Простите, герр Шодем, не могли бы мы перенести ваш визит на среду? Или, может быть, на вторник? Мне, пожалуй, удобнее было бы во вторник.

— Тогда я приду во вторник, — сказал я.

— Нет, наверное, все-таки лучше в среду. Как вам среда?

— Среда — вообще мой любимый день недели, герр Бенъямин, — ответил я.

Повисла пауза: он пытался понять, что стоит за тоном, которым я произнес эти слова.

— Герр Бенъямин, вы меня слышите? — спросил я.

— Связь плохая, — снова заговорил он. — Видимо, из-за военных действий.

— Я вас слышу вполне сносно.

— Ага, хорошо! Очень хорошо. Значит, тогда в среду, да?

Он уже кричал в трубку, отчего звук искажался.

— Да, в среду я свободен.

— Чудесно. Увидимся в среду, если вам точно подходит.

Эта его черта, нерешительность, осложнявшаяся предельной вежливостью, могла кого угодно вывести из себя. Он постоянно колебался между разными идеями и мнениями, до смерти боясь поставить на что-то одно. Так дело обстояло и с женщинами, решиться на что-то было выше его сил, ни одна женщина никогда не устраивала его полностью — если только она не жила с кем-нибудь другим или не считала его непривлекательным. Да и в мелочах это отсутствие твердости вечно ставило его в неловкое положение. Так, в ресторане он мог заказать рыбу, а потом передумать, иногда подзывая официанта по несколько раз. В конце концов он останавливался на той же рыбе, но вождельно смотрел на содержимое тарелок своих сотрапезников. Однажды я сказал:

— Ладно, Вальтер, давай поменяемся тарелками. Ты не отводишь взгляда от моей, и у меня пропадает аппетит.

Но и после обмена блюдами он со вздохом произнес:
— Все-таки в первый раз я, наверное, правильно выбрал. Лучше было, чем это.

В то время Бенъямин жил с родителями в берлинском районе Груневальд, в доме 23 по Дельбрюкштрассе, за углом от широкой, усаженной деревьями Яговштрассе¹, рядом со знаменитым парком². Темный лифт, отделанный дубовыми панелями, поднимался на верхний этаж, и пожилая горничная в темно-синем платье с кружевным воротником впускала вас в их квартиру. Все было вполне добропорядочно, как и приличествовало в те дни богатой семье, жившей в западной части Берлина.

— Мы вас ждали, герр Шолем, — сказала горничная.

Меня провели в комнату Бенъямина по длинному коридору, из которого я краем глаза мог увидеть всю роскошь квартиры. Мебель 1870-х годов (эпохи грюндерства³) словно требовала от того, кто смотрел на нее: «Следи за словами, когда говоришь в моем присутствии!» В главной гостиной диваны были обтянуты розовато-лиловым бархатом, шторы были из плотной серебристой парчи. На одной из стен висел изящный обюссонский гобелен, изображавший сцену охоты, во время которой несколько хищных голландцев загоняют несчастного волка. На полу, словно красочные острова в море медово-

---

¹ С 1953 г. — Richard-Strauss-Straße.

² Имеется в виду Груневальд — самый большой лесопарк в Берлине, расположенный большей частью в одноименном административном районе.

³ *Эпоха грюндерства* — период в истории Германии и Австро-Венгрии в XIX в., связанный с индустриализацией и все возрастающей ролью буржуазии, в том числе в культуре: архитектуре, художественных промыслах и пр. Окончанием эпохи грюндерства считается экономический кризис 1873 г.

коричневого дерева, лежали пурпурные и красные ковры. Из китайских ваз, душно благоухая, свисали огненно-оранжевые цветы. Во всем этом было свое величие, пусть и похожее как две капли воды на обстановку других домов высшей буржуазии.

На стенах коридора красовались тоскливые масляные пейзажи малозначительных парижских и баварских художников, приобретенные, вероятно, отцом Вальтера Эмилом Бенямином, который, как говорили, нажил состояние на торговле произведениями искусства. Мой отец незадолго до того купил картину в аукционном доме Лепке на Кохштрассе, которым заправлял Эмиль, так что я был наслышан о старшем Беняmine, занимавшемся, кроме того, винной торговлей и строительством. «Герр Бенямин везде поспел», — высказался мой отец прошлым вечером за ужином. Мысль о том, что я могу подружиться с сыном этого уважаемого делового человека, была очень ему по душе.

— А, Шолем, это вы! — сказал Бенямин, открывая дверь своей спальни. — Рад видеть вас, герр Шолем.

Рядом с ним сидел человек немного моложе его, в элегантном коричневом костюме, внешне совсем не похожий на Бенямина, но сразу было ясно, что это его брат: те же черные глаза и чуть крючковатый нос.

— Позвольте представить — Георг Бенямин, мой брат, — сказал Вальтер.

Мы с Георгом пожали друг другу руки, и он затрепал о вчерашней вечеринке, проводах друзей, которым вскоре предстояло отправиться на фронт. На этой вечеринке много пили и танцевали, девушки тоже всю разошлись. Я сделал вид, что слушаю, время от времени заставляя себя улыбнуться. Старшего брата явно раздражала болтовня Георга, и он глубокомысленно и хмуро уставился в окно.

Бросался в глаза беспорядок, царивший в комнате. Вдоль всех стен выстроились старые и новые книги, а в двух углах их штабеля грозили рухнуть в любую секунду. Мой взгляд упал на раскрытую биографию Бакунина авторства Неттлау¹, валявшуюся на узкой кровати; поля ее были испещрены пометками. Я разобрал только слово «ВЗДОР!», написанное заглавными буквами напротив одного абзаца, и поежился. По прошествии лет всегда сожалеешь об этих юношеских восклицаниях. На полу обложкой вверх лежал распахнутый «*Aufruf zum Sozialismus*»² Густава Ландауэра³ — посредственная, но опасная книга, отстаивающая дело социализма. Заметил я и раскрытый роман Бальзака у стола рядом с кроватью; правда, название прочесть не смог.

Георг нес всякую чушь, его брат как будто не замечал меня и вдруг неожиданно выпалил:

— Георг, прошу тебя! Ты сведешь нас с ума!

Георг осекся на середине фразы, словно налетев на колючую проволоку и повиснув на ней.

— Хватит молоть языком, — продолжал Бенямин. — Герр Шолем пришел обсудить лекцию, на которой мы оба были.

— Понимаю, — сказал его брат. Он достал трубку и занялся ее раскуриванием. — Ну что ж, обсуждайте.

— Было очень любезно с вашей стороны пригласить меня, — сказал я, пытаюсь направить разговор в нужное русло.

---

¹ *Макс Неттлау* (1865–1944) — немецкий анархист, историк анархизма.

² «Призыв к социализму» (нем.).

³ *Густав Ландауэр* (1870–1919) — немецкий философ и писатель, анархо-индивидуалист, социалист. Создал «религиозно-мистическую» концепцию революции. По мнению Ландауэра, социализм возникает не в результате классовой борьбы, а благодаря примеру отважных одиночек, которые в рамках старого общества создают объединения людей, существующие по новым принципам.

— Мой дорогой Шолем, вы никогда не должны извиняться. Это вам не идет.

— Простите.

— Садитесь, пожалуйста. Кажется, мы собирались поговорить об истории. Лекция Хиллера дала нам пищу для размышлений, не правда ли?

— Да, — согласился я. — Я размышляю об истории — и не о конкретной истории чего-то, а о понятии прошлого, о том, как мы пытаемся его описать.

От меня не ускользнуло, что Георг поморщился. Он не привык думать о таких вещах, а может быть, и вообще думать.

Я уже расположился в большом кожаном кресле, утонув между подлокотниками. Бенямин сидел напротив меня на кровати, положив ногу на ногу. Георг со своей трубкой стоял в углу, выпуская голубые кольца дыма.

— Скажите, почему вас так задело то, что тем вечером сказал герр Хиллер? — спросил Бенямин. — Мне это тоже не понравилось, но, возможно, по другим причинам... И не так сильно, как вам.

— Только слабоумный может считать, что история не имеет никакого значения, — сказал я. — Этот господин, очевидно, начитался Ницше.

— Вам не нравится Ницше?

— Он оказывает опасное влияние. В том, что касается истории, мы, евреи, сторона, знаете ли, заинтересованная. Люди, забывающие свое прошлое, может быть, желают — вероятно, бессознательно — лишить себя будущего. Они распространяют вокруг себя зловоние смерти. На самом-то деле они надеются уничтожить все следы, ведущие к их отвратительному настоящему.

— Bravo! — воскликнул Георг. — Вы замечательный оратор, герр Шолем. Настоящий Демосфен!

Беньямин сворачивал на коленях папиросу, не обращая внимания на брата.

— Я во многом согласен с вашей точкой зрения, — очень медленно проговорил он. — Видите ли, моя нынешняя работа, как бы то ни было, касается характера истории, исторического процесса. И видите ли, такого явления, как история, не существует. Это грандиозная выдумка, наслаивание точек зрения. — Он помолчал. — История — это миф, — снова заговорил он. — Это сон; может быть, даже сон о сне. Все тут очень субъективно — вот, пожалуй, что я хочу сказать.

— Не могу с вами согласиться, герр Беньямин, — возразил я.

— И я, — подхватил Георг. — В школе для меня хуже предмета не было. Из-за истории я едва не провалил экзамены в прошлом году.

— Так что же такое история? — спросил я у Георга.

— Это то, что произошло.

Беньямин широко улыбался, его кривые, желтые от табака зубы торчали из десен, как неумело построенный забор.

— Ну и как бы ты охарактеризовал нынешнюю войну, Георг? Что на самом деле произошло?

— Нам пришлось защищаться от лютого врага.

— Понятно.

— Ты так все усложняешь, — сказал Георг. — Зачем разбирать каждое событие на части, расчленять любой текст, разрывать на куски? Жизнь и так слишком коротка.

— У некоторых жизнь оказывается короче, чем должна была быть, — заметил я; правда, смысл моего замечания, похоже, остался непонятым.

Наконец и Беньямин подробно изложил свое мнение: он говорил о «хрупком тексте истории», который, по его словам, «мы пересматриваем снова и снова». Бы-

ло видно, что он много читал Гегеля и был без ума от «диалектического мышления». Вполне естественно, что мы перешли к обсуждению социализма, эта тема тогда носилась в воздухе, в самых популярных кафе только об этом и говорили. Сам же я читал Фурье с некоторым отвращением.

— Социализм — это всего лишь ревность, — заявил Георг. — Понятно, что бедным хочется иметь то, чем владеют богатые. Они не могут получить это другими способами, поэтому и собираются присвоить, приняв новые законы.

Я не мог не согласиться с ним.

— Вам вряд ли понравился бы мой брат Вернер, — сказал я. — Он ярый социалист, но идеи свои он не додумывает до конца. Он как овод.

И я рассказал им, как сам заинтересовался анархизмом после того, как недавно прочел русского анархиста Кропоткина.

— Гм, Кропоткин, — вздохнул Бенямин. — Добрая душа, но он не мыслитель. Он подвижник. В этом проблема большинства людей, пытающихся мыслить диалектически: они не способны думать о многом одновременно. Форма их аргументации определяет ее содержание.

— Социализм — это ведь что-то вроде светской религии, не так ли?

Банальностей никто не любит, но, кажется, мое замечание прошло незамеченным. Из-за своей близорукости Бенямин мог удивить своей полной невозмутимостью в ответ на чувство, отразившееся на лице собеседника.

— Вы, конечно, еврей, — сказал я, — и поэтому должны видеть все под определенным углом. У меня это так.

— Надо полагать, я еврей. Да, мне нравится заходить в синагоги, вам ведь тоже? Прекрасные музеи утраченной культуры.

Парини Дж.

П 18 Путь Бенямина : роман / Джей Парини ; пер. с англ. А. Александрова. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2020. — 416 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-15873-3

Джей Парини — мастер редкого жанра: лирико-биографического романа. Читателю уже хорошо знакома его книга «Последнее воскресение» о финале жизни Льва Толстого, легшая в основу одноименного фильма Майкла Хоффмана с Кристофером Пламмером и Хелен Миррен в главных ролях, номинированными за эти роли на «Оскара».

В романе «Путь Бенямина» Парини обращается к биографии одного из величайших мыслителей XX века. Со своими сложными фрагментарными текстами, интерпретировать которые можно до бесконечности, Вальтер Беньямин удивительным образом оказывается злободневным мыслителем именно сейчас, попадая в дух времени точнее многих наших современников. О том, что философ погиб в 1940 году в испанском пограничном городке Портбю, спасаясь бегством из оккупированной нацистами Франции, Парини рассказывает уже в прологе устами Гершома Шолема, друга Бенямина и видного исследователя каббалистики. Далее слово предоставляется как самому философу, так и различным знавшим его людям — друзьям, проводнику через Пиренеи, бывшей возлюбленной, на несколько лет пригласившей его в Москву...

Скоро «Путь Бенямина» тоже должен получить экранное воплощение: постановщиком выступит Пэт О'Коннор («Рядовой Писфул», «Выдуманная жизнь Эбботов», «Звезды и полосы», «Месяц в деревне»), главную роль исполнит Колин Фёрт.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

ДЖЕЙ ПАРИНИ
ПУТЬ БЕНЬЯМИНА

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Ирина Стефанович
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ирина Киселева, Маргарита Ахметова

Подписано в печать 28.02.2020. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 26.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-BRM-24281-01-R